

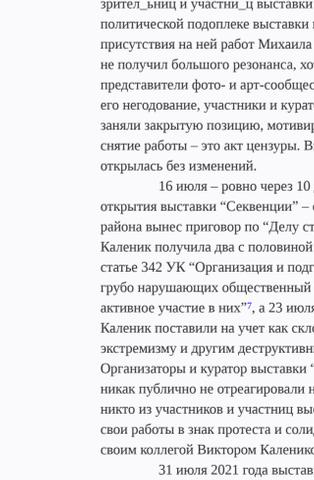
ВСЕ МЫ – ХОРОШИЕ ЛЮДИ

Антонина Стебур

8/24/2021

Писать данный текст представляется мне невероятно сложным делом, поскольку он затрагивает меня непосредственно – не только как участницу белорусского культурного пространства, но и как подругу Ульяны Невзоровой¹. И вместе с тем, появление этого текста для меня представляется крайне важным, но совершенно не для того, чтобы определить виновных, а для того, чтобы отталкиваясь от конкретной ситуации, посмотреть на то, каким образом нормализуется репрессивный порядок, и увидеть, каким образом мы можем одновременно оказывать поддержку и продолжать исключать кого-то из публичного пространства, лишая его или ее голоса.

В процессе подготовки этого текста у меня состоялось несколько интересных разговоров с участницами выставки и теми, кто непосредственно к ней не имели отношения, но могли бы себя определить через принадлежность к полю искусства. В большинстве из таких разговоров я заметила, как мои собеседницы фактически противились публичному обсуждению этой ситуации, поскольку «позиция Владимира Парфенко известна и ничего общего не имеет с официальной государственной»². Однако подобный запрет на дискуссию, интенция молчаливо отойти в сторону также воспроизводит и поддерживает систему исключения. Более того, белорусскому арти- и фотосообществу нужны подобные обсуждения, поскольку именно благодаря им формируется критическая оптика, чувствительность по отношению к угнетенным, к тем, чьи голоса исключены, или к тем, чьи голоса не слышны, потому что у них больше нет сил бороться за себя.

Виктор Каленик «Без названия», 1989. Серия (из личной коллекции автора)

Хронология событий

6 июля 2021 года в Мемориальном музее-мастерской Заира Азгура в Минске открылась выставка «Секвенция». Выставка была посвящена белорусской фотографии 1980-90-х годов и включена в цикл событий к 70-летию со дня рождения Валерия Лобко. Куратором выставки выступил фотограф Владимир Парфенко.

Эта небольшая иллюстративная выставка, которая заняла всего один зал музея, могла пройти незамеченной, если бы не один факт. На выставке среди двадцати работ на входной стене присутствовала серия «Без названия» (1990-е) Михаила Борозны³.

Михаил Борозна – нынешний ректор Белорусской государственной академии искусств (БГАИ), который 21 июня 2021 года был включен в санкционный список ЕС с формулировкой «за решение администрации университета об отчислении студентов, участвующих в мирных акциях протеста»⁴. С осени 2020 года им было уволено 5 преподавателей, отчислено 19 студентов⁵. Одной из студенток, которая проходила по так называемому «Делу студентов», была 22-летняя Мария Каленик, дочь белорусского фотографа, активного участника фотографических процессов 1980-90-х годов, Виктора Каленика.

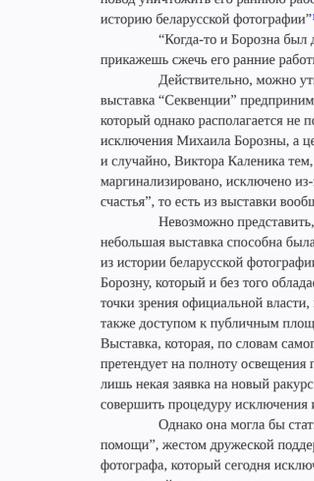
Открытие выставки не вызвало практически никакого публичного обсуждения ни в СМИ, ни в социальных сетях. Разве что Сергей Михаленко за день до открытия выставки опубликовал пост который начинался со слов: «Не могу понять, как такое возможно»⁶, и пригласил зрителей и участниц выставки подумать о политической подоплеке выставки и уместности присутствия на ней работ Михаила Борозны. Пост не получил большого резонанса, хотя многие представители фото- и арт-сообщества поддержали его негодование, участники и куратор же, наоборот, заняли закрытую позицию, мотивируя тем, что снятие работы – это акт цензуры. Выставка открылась без изменений.

16 июля – ровно через 10 дней после открытия выставки «Секвенция» – суд Советского района вынес приговор по «Делу студентов», Мария Каленик получила два с половиной года тюрьмы по статье 342 УК «Организация и подготовка действий, грубо нарушающих общественный порядок, либо активное участие в них»⁷, а 23 июля Марию Каленик поставили на учет как склонную «к экстремизму и другим деструктивным действиям»⁸. Организаторы и куратор выставки «Секвенция» никак публично не отреагировали на происходящее, никто из участников и участниц выставки не снял свои работы в знак протеста и солидарности со своим коллегой Виктором Калеником.

31 июля 2021 года выставка в музее Заира Азгура закрылась. Участники и организаторы продолжили хранить молчание и игнорировать связь эстетического и политического. Медиа и представители сферы арт-сферы также никак не отметили проблематичность подобного жеста, не было инициировано ни одной дискуссии – офлайн или онлайн.

14 августа Мария Каленик была этапирована в гомельскую колонию. Эта драматичная и фрустрирующая параллель между выставкой и репрессиями, с которыми столкнулась семья Виктора Каленика, который для многих участников и организаторов был и остается не только коллегой, но и другом, приятелем; молчаливой публичной реакцией и нулевым уровнем солидарности – заставляет посмотреть и проанализировать данную ситуацию как симптоматичную. Начиная работу над этой статьей, я не руководствовалась желанием кого-то наказать, «поставить в угол», вызвать публичную реакцию ненависти к организаторам и участникам выставки. Сама ситуация, как мне кажется, с одной стороны, вызывает волны всепоглощающих эмоций, желание вслед за Сергеем Михаленко задать вопрос: «Это называется «перевернуть страницу» или организаторов выставки захватили в заложники?»⁹, и перестать здороваться со всеми за СМИ. С другой стороны, ситуация, связанная с выставкой «Секвенция», помогает нам увидеть важный механизм «банальности зла».

Каким образом те, кого, следуя обобщенному языку, мы бы назвали «хорошими людьми», создают вопиющие ситуации, воссоздают и закрепляют существующий несправедливый репрессивный порядок?

Виктор Каленик «Без названия», 1989. Серия (из личной коллекции автора)

Автоматизм, залипание и воспроизведение

Проблематичность анализа не только выставки «Секвенция», но и других подобных ситуаций, заключается в невозможности упростить их до бинарных оппозиций – разделить на черное и белое, злых и добрых, плохих и хороших. Другими словами, сложно демонизировать организаторов и их мотивы при подготовке выставки. Отсюда и возникшее молчание по отношению к ситуации. Поскольку они – «свои», или лучше сказать, не могут быть описаны как плохие люди, то язык спотыкается о сложившуюся ситуацию.

Действительно, музей Заира Азгура известен своей открытой позицией по отношению к проектам, связанным с современным искусством и перформансом. Так в 2014 году здесь состоялась выставка Тамары Соколовой «Одни – такие. Другие – такие»¹⁰.

Владимира Парфенка также сложно демонизировать, например, известно, что как куратор он планировал персональную выставку Виктора Каленика в Музее Заира Азгура в рамках проекта «Археология белорусской фотографии».

Многие участники и участницы выставки, представители и представительницы фото- и арт-сообщества хранили молчание, поскольку все организаторы выставки были «хорошими людьми». Однако, следуя музею Заира Азгура, как я уже отмечала выше, не как на ситуацию судебного разбирательства, не для поиска виновных, а для того, чтобы проследить механизмы, лежащие в основании события, которое можно охарактеризовать как чудовищно несправедливое.

Сложно представить, что куратор выставки включил работы Михаила Борозны под давлением «сверху» – следует исключить любые конспирологические теории. Точно также, следует подумать о сложившейся ситуации не как о злонамеренной: у куратора и организаторов не было задачи нанести урон или причинить боль семье Марии Каленик. Скорее, следует думать об этой ситуации как о случайной, как о несчастливом стечении обстоятельств. Однако некоего рода эта случайность?

Когда мы говорим о роли случая в истории, то всегда воображаем некий непрогнозируемый фактор, появление которого полностью меняет конфигурацию событий, «поворачивает время вспять» или, по крайней мере, открывает новые возможности. Как например, лунное затмение в битве при Гавгамелах, которое предопределило победу Александра Македонского над персидским войском. Чаще всего в истории случай понимается подобным образом. Однако, можно говорить о случае не как о нейтральном событии, а как о нерелексивном, которое запускает механизм консервации, воспроизведение существующей диспозиции власти, утверждение существующих репрессивных структур. Известное выражение из обиходной речи «отдавать что-то на волю случая» или самому «отдаваться на волю случая» – означает не поиск нового оптик и паттернов поведения, а лишь повторение уже существующих, конвенциональных, закрепленных политической или социальной сферой отношений.

Другими словами, понятий таким образом случай, означает залипание, а не высказывание. Именно в этом смысле можно посмотреть на случайное стечение обстоятельств применительно к выставке «Секвенция». Именно из-за нерелексивности в кураторском подходе к выставке, отсутствия оптики «включения / исключения», нечувствительности и даже некоего автоматизма, конструируется несправедливость, а точнее, воспроизводится и усугубляются отношения, при которых Михаил Борозна присутствует в публичном пространстве, он видим в буквальном смысле этого слова, потому что видимы его работы, а Виктор Каленик оказывается исключенным, маргинализированным, невидимым.

Сам автоматизм создания выставки формирует механизмы отчуждения, исключения и подтверждения существующих репрессивных структур и отношений. Этот автоматизм – случайный, не по злому умыслу – запускает механизм конформизма, причинения ущерба.

Исключение из изначальной концепции выставки работ Виктора Каленика, которые, с точки зрения концепции выставки, могли бы там быть; и включение фоторабот Михаила Борозны, а также последующие за этим жесты молчания, не-солидарности, становятся возможными, с одной стороны, из-за автоматизма и отсутствия рефлексивности, с другой – потому что Виктор Каленик не находится, по меткому выражению Сары Урхмед, «за общим столом счастья», а значит, «вы угрожаете и всему тому, что собирается вокруг стола, и тому, что располагается на нем. Когда вы не находите себе места, вы можете даже мешать тем, кто сидит за столом и больше всего на свете желает сохранить за собой свое место. Угроза потери места может убивать их радость»¹¹.

Автоматическое, нечувствительное восприятие к тем, кто исключен, тем кто остался в стороне от общего «стола счастья», снова и снова будет воспроизводить это исключение, оно будет его воссоздавать и легитимировать, нормализовать и усугублять.

Именно таким образом «хорошие люди» совершают плохие поступки, совершают действия, которые запускают механизмы воспроизведения исключения. Соответственно, любая выставка – участие в ней и ее создание – должна быть чувствительна к политическому контексту, в противном случае, она будет залипать в существующих репрессивных отношениях, порождать несправедливость, отчуждение, усугублять исключение исключенных.

«Современное искусство представляет собой искусство контекстное. Любой объект окружающего мира, помещенный в специальный контекст, меняется – контекст определяет содержание»¹². По иронии эта цитата взята из кураторского текста к выставке «Секвенция», и именно чувствительности к контексту как раз и не хватает выставке, чтобы совершить приотставку конвенциональных отношений исключения.

Виктор Каленик «Без названия», 1989. Серия (из личной коллекции автора)

Отказ от солидарности

В единственном доступном обсуждении неэтичности или, по крайней мере, проблематичности выставки, куратор Владимир Парфенко настаивает в своих комментариях к посту в Facebook на двух моментах. Во-первых, что убирать работы – это акт цензуры:

«Делать кутюры в этой панораме я считал нечестным»¹³.

«Мне тут предлагают сделать кутюры, даже не вникая в суть проекта»¹⁴.

А во-вторых, мотивирует свой подход тем, что невозможно исключить имя Михаила Борозны из истории белорусской фотографии:

«По-вашему, нынешняя позиция ректора – повод уничтожить его раннюю работу и переписать историю белорусской фотографии»¹⁵.

«Когда-то и Борозна был другим... прикажешь сжечь его ранние работы?»¹⁶

Действительно, можно утверждать, что выставка «Секвенция» предпринимает акт цензуры, который однако располагается не по оси исключения Михаила Борозны, а по оси исключения Виктора Каленика тем, что его имя маргинализировано, исключено из-за «стола счастья», то есть из выставки вообще.

Невозможно представить, чтобы одна небольшая выставка способная была бы исключить из истории белорусской фотографии Михаила Борозну, который и без того обладает сильной, с точки зрения официальной власти, позицией, а также доступом к публичным площадкам и медиа. Выставка, которая, по словам самого куратора, «не претендует на полноту освещения проблемы, это лишь некая заявка на новый ракурс»¹⁷, не может совершить процедуру исключения из истории.

Однако она могла бы стать «рукой помощи», жестом дружеской поддержки коллеги-фотографа, который сегодня переживает из нормальной повседневности, переживает сложные времена, шокирован и фрустрирован. Тем более, что с профессиональной точки зрения, Виктор Каленик – важная фигура в фотографическом поле 1980-90-х годов, который обучал в творческих мастерских «Студия-3» Валерия Лобко, был членом группы «Мета» и участником международных выставок, например, New Soviet Photography (1988-1990). Его работы находятся в коллекции РОСФОТО, которая посвящена феномену «минской школы фотографии». Не противоречат работы Виктора Каленика и концептуальной идее выставки, которая говорит о секвенции как «методе фотографической фиксации последовательного развития событий самого разного масштаба – от жанровых сцен повседневной жизни до внутренних рефлексий автора»¹⁸. Виктор как раз работал с сериями, сенами. Поэтому приглашение его к участию в выставке могло бы быть не благотворительностью, а солидарностью и актом заботы. Ведь этимологически слово «куратор» отсылает к латинскому «curare» – «забота», «лечение», а значит, куратор должен проявлять чуткость не только к контексту, но также к угнетенным, лишенным голоса коллегам, которые сегодня чувствуют свою узковязкость и истощение.

Именно отказ от этой поддержки и заботы стоит считать как акт цензуры. Исключение из выставки Михаила Борозны со стороны куратора и организаторов выставки не было бы актом цензуры, как не было бы актом цензуры снятие собственных работ в знак протеста против несправедливого приговора в отношении Марии Каленик. Речь не идет о цензуре применительно к некоей воображаемой «объективной» истории.

Не включать работы Виктора Каленика, но включать работы Михаила Борозны – это акт цензуры по отношению к сегодняшней политической ситуации. Поскольку таким образом воспроизводится и легитимизируется сам приговор и нормализуется исключенное положение Виктора Каленика.

Анализ выставки «Секвенция» помогает вскрыть механизм залипания в существующей диспозиции власти, которое достигается за счет автоматизма. Мы наблюдаем, как сама выставка воспроизводит механизм включения / исключения некоторых акторов – они оказываются лишенными голоса, представленности в публичной сфере, как неудобные, «своевольные субъекты». Именно рефлексивный, сфокусировано критический подход дает возможность совершить приотставку этого воспроизведения, что ведет к созданию сетей солидарности, поддержки.

Виктор Каленик «Без названия», 1989. Серия (из личной коллекции автора)

Изображение на главной странице – Антонина Стебур

1. Ульяна Невзорова – белорусская художница, сестра Марии Каленик, дочь Виктора Каленика
2. Комментарий Юрия Элизаровича к посту Сергея Михаленко «Не могу понять, как такое возможно...» // Facebook 5 июля 2021. <https://www.facebook.com/mihalenko/posts/1020917940362731> [Дата входа: 07.08.2021]
3. Севянецки. Выставка к 70-летию Валерия Лобко. <http://azgura.by/about/item/view/4-70-letiyu-valeriyu-lobko-skvenski/> [Дата входа: 26.07.2021]
4. COUNCIL IMPLEMENTING REGULATION (EU) 2021/597 of 21 June 2021. – <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PPF/?uri=CELEX:32021R0597&qid=1624284463861&from=EN> [Дата входа: 07.08.2021] – С. 14
5. «Штучки, которых заперли в клетке». Как в Бельсии осудили студентов, участвовавших в осенних акциях протеста. – https://doxajournal.ru/twibirds_in_a_cage/ [Дата входа: 07.08.2021] <http://www.spring96.org/person/mariya-kalenik> [Дата входа: 07.08.2021]
6. Sergey Mikhailenko «Не могу понять, как такое возможно...» // Facebook 5 июля 2021. <https://www.facebook.com/mihalenko/posts/1020917940362731> [Дата входа: 07.08.2021]
7. По данным правозащитного центра «Вясна». – <https://prisoners.spring96.org/> [Дата входа: 07.08.2021]
8. Осужденных по «Делу студентов» признали склонными к экстремизму. – <https://reform.by/243561-oznachenye-po-delu-studentov-priznali-sklonnyimi-k-ekstremizmu> [Дата входа: 07.08.2021]
9. Sergey Mikhailenko «Не могу понять, как такое возможно...» // Facebook 5 июля 2021. <https://www.facebook.com/mihalenko/posts/1020917940362731> [Дата входа: 07.08.2021]
10. Кондратенко Т., Тамара Соколова: выставочный проект «Одни – такие. Другие – такие». 2014. – <http://zbor.kalmenka.org/2/> [Дата входа: 20.07.2021]
11. Ахмед С. Феминистки-кайфотомычи (и другие соевольные субъекты). – Художественный журнал №108, 2019 <http://artmagazine.com.ua/issue/89/article/1567> [Дата входа: 20.07.2021]
12. Цит. Ольги Рыбчинской в кураторском тексте к выставке «Секвенция», 2021. – Личный архив Антонины Стебур
13. Комментарий Vladimir Parr [Владимир Парфенко] к посту Sergey Mikhailenko «Не могу понять, как такое возможно...» // Facebook 5 июля 2021. <https://www.facebook.com/mihalenko/posts/1020917940362731> [Дата входа: 07.08.2021]
14. Там же
15. Там же
16. Там же
17. Кураторский текст к выставке «Секвенция», 2021. —
18. Личный архив Антонины Стебур
19. Там же

ПРОСТЫЯ В БЕЛАРУСИ

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО

СОЦИАЛЬНОСТЬ

УСЛОВИЯ ТРУДА